
ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИКИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ РАСШИРЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЕМА СЛОВА

С.В. Кезина

Кафедра русского языка

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
ул. Попова, 18а, Пенза, Россия, 440035

Статья посвящена осмыслению исторического развития названий цвета в соответствии с законом расширения семантического объема слова. Основу концепции исторического развития цветоименований составляют положения о значимости предмета-эталона цветообозначения, о способности глаза к выделению конкретного цвета, о степени сложности номинационных процессов. Исследование выполнено на материале индоевропейских языков.

Проблема эволюции цветообозначений (далее в тексте — ЦО) — одна из актуальных проблем современной семасиологии. До сих пор в огромном количестве исследований по цветовой лексике нет четких ответов на вопросы, связанные с эволюцией ЦО: почему слова «белый», «черный», «красный», по данным памятников письменности, устного народного творчества и художественной литературы, самые частотные; чем объяснить неопределенную многозначность цветových лексем, наиболее активную на ранних этапах развития языка; каковы причины различной валентности цветоименований и другие.

Существующие языковые факты с самого начала интерпретировались в двух направлениях: первое было связано с попыткой объяснить их через идею «об историческом развитии цветового зрения», второе — через сменившую ее идею «исторического развития названий цвета» [11. С. 16]. Настоящее исследование предлагает возможное решение проблемы исторического развития названий цвета.

Попытаемся проследить развитие цветовой семантики, опираясь на закон расширения семантического объема слова. Закон расширения семантического объема слова, открытый Г. Паулем, *предполагает последовательное и регулярное увеличение числа сем в семантической структуре слова в ходе его исторического развития*. Сформулированный семасиологический закон мы рассматриваем в качестве конститутивного принципа семантического развития слова. Следовательно, эволюция семантики цветовой лексемы предполагает увеличение хроматических сем в семантической структуре цветоименования. Для анализа взяты цветообозначения из индоевропейских языков.

Опираясь на данные о том, что «свет и темнота, белый и черный цвета вообще выражаются языком отчетливо» [12. С. 178], мы предполагаем, что эволюция цветовой семантики началась с появления в структуре цветового слова прототипов сем «белый» и «черный»: «тьма» и «свет», «темное» и «светлое». Назовем их световыми семами. Они выражали наличие света и его отсутствие

до развития собственно хроматических сем. Номинация свето-цветовых представлений была связана с важностью, значимостью этих представлений для человека. Свет, дневной, солнечный, от костра, ассоциирующий с теплом, защищенностью, и его отсутствие были очень значимы для поддержания жизненного цикла, поэтому семы «белый» и «черный», развитые из протосем «светлый» и «темный», раньше других включались в процесс номинации.

Сема «светлый» непосредственно связана с семой «блестящий» («сверкающий», «сияющий»), что подтверждает, во-первых, их одновременное проявление и, во-вторых, принадлежность одному и тому же предмету-эталону цветоименования. Сема последовательно отражена в семантике цветовых лексем: русск. диал. **красиво** «солнечный свет» (волог.) — к ЦО **красный**; болг. **сияен** «блестящий, лучезарный» — к ЦО **синий**; др.-в.-нем. **beraht** «светлый, сияющий» — к ЦО **бурый**; др.-инд. **bhāti** «светит, сияет» — к ЦО **белый**; др.-ирл. **gel** «блестящий» — к ЦО **желтый**.

К перечисленным семам: «светлый» (= «белый»), «темный» (= «черный»), «блестящий» — постепенно добавляется собственно цветовая сема. Хроматическая сема прошла сложный и длительный путь развития. Разные индоевропейские языки сохранили разные этапы в развитии названий цвета, что позволяет составить пусть схематичное, но достаточно ясное представление о том, как осуществлялась номинация цвета. Древнее отражение цвета в сознании человека, как и мира в целом, было целостным. Человек отражал не конкретный цвет, а цвет в целом — как пестрое, цветное пятно. Целостность восприятия картины мира, в том числе цветовой картины мира, является универсальным свойством отражения, которое, по мнению психологов, присуще человеку на ранних этапах онтогенеза и на начальном этапе развития этноса. Ученые связывают это явление с действием правого полушария, которое формируется раньше левого и обеспечивает конкретно-образное мышление [14. С.136; 6. С. 282].

Можно предположить, что сема «цветной, пестрый» является самой ранней собственно хроматической семой в семантической структуре цветовой лексемы. Ср.: польск. **krasy** «пестрый, разноцветный», болг. **шар** «пятно, пестрый», словен. **šara** «пестрый, пятнистый», болг. **шáрен** «пестрый, разноцветный», рус. **пелесый** «пестрый, цветной», «пятнистый», рус. диал. **багряный** «пестрый, полосатый», словц. **rusý** «пестрый, пятнистый», рус. диал. **багряный** «пестрый, полосатый» (**багряная** кошка «серая с пятнами, как черные пятна»), рус. диал. **ржавый** «о веснушчатом, с рыжими волосами человеке», укр. **рудый** «тигровой масти (о котях, собаках)» и другие. Генетическая память сохраняет сему «цветной» до сих пор. Психолингвистический эксперимент, проведенный А.П. Василевичем, предполагал выявление у информантов (носителей 15 языков) наибольшего количества слов для обозначения цвета. Носители всех языков (в эксперименте участвовало 650 человек) назвали, в частности, слова типа **пестрый**, **кrapчатый**, **пегий**, которые А.П. Василевич квалифицировал как «ошибки» [3. С. 14—15]. Перечисленные смыслы были извлечены из долговременной памяти не случайно. Современные исследования по нейрофизиологии цветного зрения привели к открытию у обезьян нейронов, являющихся суб-

стратом долговременной памяти. «Способность человека сравнивать цветовые термины и оценивать различие между ними на основе соответствующих цветовых представлений предполагает, что нейроны речевых символов (символов второй сигнальной системы) связаны с нейронами цветовой памяти (мнемическим экраном)» [2. С. 355]. Таким образом, сема «цветной» развита в семантике цветоименования не случайно, а закономерно и связана с целостным отражением цвета на ранних этапах развития языка и мышления.

Следующий этап в развитии семантики цветовой лексемы был, по нашему мнению, самым сложным. Необходимо было выделить отдельные цветовые оттенки, а семы с конкретными цветовыми смыслами внести в семантическую структуру слова. Языковые факты свидетельствуют о том, что хроматические семы включались в семантическую структуру слова в строго определенной последовательности. Последовательность включения хроматических сем в семантический объем слова отражена в схемах Хейса и Паркинса (I), а также Берлина и Кея (II), составленных на основе языковых данных, и представлена в психолингвистическом эксперименте А.П. Василевича: белый — черный и красный — зеленый, синий, желтый, коричневый, розовый, фиолетовый, оранжевый (I); белый и черный — красный — зеленый и желтый — синий — коричневый — розовый, голубой, серый, оранжевый и фиолетовый (II) [3]. Хейс и Паркинс объясняют такую последовательность слов в языке буквально порядком появления слов в языке, а Берлин и Кей — той или иной стадией развития языка. И те и другие говорят о появлении слов в языке, хотя в действительности речь идет о смыслах. Разграничение слова и смысла, обозначаемого словом, позволяет увидеть цепочку последовательности *смыслов* (ахроматических и хроматических цветов), которую можно объяснить значимостью предмета, выбранного в качестве эталона цвета, способностью человеческого глаза к выделению цветовых оттенков, сложностью номинационных процессов. Значимость цвета всегда была связана с «реальной общественной практикой, обуславливающей в конечном счете возникновение и развитие названий цвета» [1. С. 17]. Следовательно, основу концепции исторического развития названий цвета представляют тезисы о ценности для человека предмета, ставшего эталонным цветоименования, о способности глаза к распознаванию в окружающей действительности того или иного цвета, а также о степени сложности номинационных процессов. Факторы, детерминирующие последовательность актуализации тех или иных хроматических сем, действовали не отдельно, а в совокупности.

Передача цвета в языке осуществлялась через предмет, который имел этот цвет. Значимость предмета, цвет которого номинировался, для хозяйственной деятельности человека, частота взаимодействия с ним, вне всякого сомнения, влияли на время номинации. «Организм распознает быстрее всего те реалии, с которыми он взаимодействует часто и регулярно, и от этого прямо зависит степень выделенности определенных отличительных признаков, являющихся представителями (= знаками) той или иной реалии. Чем чаще и интенсивнее взаимодействует организм с той или иной реалией, тем интенсивнее вычленя-

ются из этой реалии опознавательные знаки. Таким образом, знаки развиваются прежде всего в тех взаимодействиях, которые наиболее регулярны и значимы для поддержания жизненного цикла (выделено нами — С.К.) [8. С. 99]. Итак, предмет, через который осуществлялась цветовая номинация, должен был входить в круг значимых для поддержания жизненного цикла. Кроме того, цвет предмета должен был достаточно легко распознаваться в цветовом пространстве окружающего мира. Легче выделить цвет, если он чистый, насыщенный и яркий. По данным нейрофизиологии цветного зрения, самые сильные реакции нейронов зрительной коры отмечаются на яркие или насыщенные цветом предметы [10], максимальная реакция возбуждения в коре мозга обезьяны достигается при восприятии ею красного цвета (потом — желтого, зеленого, синего) [7]. Предметы, которые стали эталоном при обозначении красного цвета, отвечали всем перечисленным требованиям. Это огонь и кровь. Яркость, насыщенность цвета данных предметов способствовали стабильности предмета-эталона цветоименования. Поэтому процесс номинации красного цвета осуществился раньше. Языковые факты показывают, что эталон цвета продолжал уточняться. Колебания в отборе эталона цвета отражены в языке: «Красен, как солнышко; как огонь, как алый цвет, как руда (кровь), как свекла, кирпич, как клюква, как маков цвет» [5. С. 187]. Исторические колебания в уточнении эталона цвета не изменили древнейшего: эталоном красного цвета до сих пор остается «цвет крови», издревле связанный в сознании людей с великими таинствами — рождением и смертью.

Диалектные, исторические и этимологические словари последовательно отражают в семантике ЦО кровь и огонь как наиболее устойчивые эталоны красного цвета. Колебания, возникшие в результате уточнения эталона цвета, генерировали множество сем, обозначающих оттенки цвета в пределах красного тона: англ. **red** «красный, рыжий», укр. **червоний** «красный», «алый», «багровый», рус. диал. **красный** «рудой, алый, чермный, червленый, кирпичный, малиновый, огневой, густо-розовый, лиловато-сиреневатый, рыжий, розовый». Перечисленные семы включались в семантическую структуру слова по мере появления нового предмета-эталона цвета.

Итак, семантический объем слова увеличился за счет семы «красный», которая первоначально, вероятно, была неопределенной, неточной («огненный», «окровавленный»). Развитие современной семы «красный» шло в двух направлениях: сначала она уточнялась через ряд эталонов красного цвета, потом абстрагировалась, а множество сем, обозначающих на каком-то этапе эволюции красный цвет, актуализировались как различные оттенки в пределах красного тона: сема «румяный» в слове **румяный**, сема «алый» в слове **алый**, сема «рыжий» в слове **рыжий** и т.д. Но абстрактным цветообозначением в русском языке становится лексема **красный** со значением «цвета крови».

Актуализация хроматических сем «желтый» и «зеленый» осуществлялась позже, так как восприятие этих цветов не давало такой сильной реакции, как при восприятии красного цвета. Эти цвета сложнее было выделить в природе. Зеленый цвет соотносился с цветом травы, листвы, а они были неоднородного цвета.

Это больше был пестрый цвет с преобладанием зеленого. К тому же цвет менялся: трава и листья желтели, потом становились красными, оранжевыми, коричневыми. В этой пестроте необходимо было выделить цветовой фрагмент, наиболее удовлетворяющий той цветовой субстанции, которую человек хотел зафиксировать в языке: в результате зеленый цвет был обозначен как «цвет травы, зелени». Эталон желтого цвета сейчас являются яичный желток, золото. Но эталоны цвета менялись. Наиболее яркие пятна желтого цвета (чистого желтого) — это поляны с желтыми цветами, цветущие кустарники, которые не представляли для человека особой ценности, пока он не начал заниматься земледелием. Желтый цвет по яркости ближе к красному и белому. Ср.: укр. **половий** «желтый, красно-желтый», рус. **половый** «беловатый, изжелта-белый». По значимости же — ближе к зеленому: др.-инд. **harita** «желтый, зеленый», **hari(s)** «желтый, золотистый, зеленый». Можно предположить, что память не случайно выделяет и сохраняет фрагменты цветowych синкрет, где зеленый и желтый цвета рядом. Возможно, их связывает единый эталон цвета: например, цветение злаковых. Мог быть такой фрагмент цветовой картины мира, который запечатлел оба эти цвета одновременно и который был особенно ценен для человека. Трудно поверить, что это была пойма с кувшинками.

Сема, несущая информацию о синем цвете, включается в семантическую структуру слова еще позже, так как цвет этот вызывает слабые реакции в зрительной коре, в природе же нет предмета, который постоянно сохранял бы синий цвет (яркий, чистый, насыщенный). Цвет неба и воды менялся. Зеленый и желтый цвета в природе более постоянны. Этот же цвет трудно выделить, а главное, трудно соотнести со значимым предметом реального мира. Эталон синего цвета уточнялся долго. Однако мысль и глаз постоянно трудились и искали цветовой аналог, что способствовало развитию в семантической структуре слова сложных или описательных хроматических сем: рус. **синий** «синеватый, отливающий голубым цветом», «багровый, налитый кровью», «иссиня-темный», сербохорв. **sinjiv** «пепельно-серый». Эталон синего цвета в русском языке становится цвет васьилька.

Коричневый цвет, по данным научных исследований, был актуализирован позже синего. Возможно, это было связано также с эталоном цвета. ЦО **коричневый** в русском языке обозначает «буро-желтый» цвет, цвет корицы и жареного кофе. Мы видим, что аналог цвета определился достаточно поздно, когда развивалась торговля пряностями и кофе. Наши предки не смогли выделить в своем микромире предмет, цвет которого наиболее соответствовал бы данной цветовой субстанции, поэтому исконная сема, обозначающая коричневый цвет, сложная — «буро-желтый». Обратим внимание, что сложное наименование цвета опиралось на уже имеющиеся названия других цветов: бурого и желтого. Цвет оставался неопределенным, смешанным и четко не обозначался в языке до тех пор, пока в окружающей человека природе нельзя было выделить в силу разных причин чистый цвет, соответствующий номинируемой цветовой субстанции. Интересно, что глаз и мысль постоянно пытались освободиться от неопределенности, смешанности и найти оптимальный эталон цвета.

Самыми поздними семами в семантической структуре ЦО стали «розовый», «голубой», «серый», «оранжевый», «фиолетовый». Перечисленные цветовые оттенки, выраженные хроматическими семами, не были связаны с предметами, имеющими хозяйственное значение. Там, где название цвета можно было передать только через цветы (васильки, фиалки, розы), процесс номинации был поздним, так как сами названия цветов появились поздно. О. Шрадер отмечает, что в индоевропейских языках почти нет общих названий цветочных растений. Ученый предполагает, что «любовь к прекрасным малюткам леса и поля пробудилась на довольно высоких степенях культуры» [12. С. 180].

Голубой цвет выделялся в природе долго, пока его эталоном в русском языке не стал цвет ясного неба (светло-синий, лазурный, лазоревый). Мы предполагаем, что древним эталоном этого цвета был цвет потухшего костра (пепла, головешек). Указания на это сохранены в семантике диалектного слова **голубой**, в котором четко выражено смешение черного, белого и пепельного: **голубой конь** «пепельной масти», **голубая курица** «серо-дымчатая с белым», **голубая лисица** «черная с белым серебристым», **голубая лошадь** «иссиня-черного цвета» и т.д. Небезынтересно отметить, что те же смешанные хроматические семы отражены в говорах русского языка в семантике слов **серый** «примесь черного, темного к белому», **сивый** «седой, темный с сединою, с примесью белесоватого либо пепельного», **сизый** «темный, черный с просинью, с белесоватым» и т.д. Вполне вероятно, что часть сем сохранялась от соотношения с древним эталоном цвета, а часть развивалась в процессе уточнения цвета. Колебания хроматической семы в процессе ее уточнения через разные предметы-эталон цвета приводили, повторяем, к множественности сем в составе цветовой семантики. В современном русском языке лексема **серый** обозначает «цвет пепла», **сивый** — «серовато-сизый, пепельно-серый» (о масти лошади), **сизый** — «серо-голубой».

Так путем увеличения сем развивалась множественность значений в семантической структуре цветового слова. Эта множественность значений широко отражена в письменных памятниках, что позволило исследователям сделать вывод о том, что лексико-семантическая группа ЦО «оформляется по своему составу к середине XVIII века» [1. С. 266]. Благодаря письменным источникам, говорам и родственным языкам мы обнаруживаем целые фрагменты цветовых синкрет, включающих семы, развитые в истории языка в разное время. Ср.: др.-русск. **красьныи** «красный, бурый, рыжий, карий, коричневый с красноватым отливом», ирл. **glass** «зеленый, серый, голубой», англос. **haeven** «голубой, синий», нѐвѣ **гoлyбoй, багряный, синий, серый, зеленый**», др.-инд. **hári(s)** «желтый, золотистый, зеленый» и др.

Данные индоевропейских языков позволяют предположить, что семы в разных цветообозначениях развивались строго последовательно и идентично. Сравнение семантических объемов разных ЦО (нами исследовано 8 семантических полей диахронического типа) показало, что все перечисленные в анализе семы («белый», «черный», «цветной», «красный», «желтый», «зеленый» и т.д.) повторяются в семантике всех ЦО с незначительными колебаниями, которые

можно устранить путем расширения семантических полей за счет материалов индоевропейских языков и их говоров. Процесс увеличения числа хроматических сем, детерминированный расширением семантического объема слова, сопровождался элиминированием части сем, которые уточняли цвет и носили промежуточный характер: такими были описательные семы «*темный с красноватым, или лиловатым, или голубоватым оттенком*» у др.-русск. **сизь**, «*червленный же, но менее густой, без синевы*» у русск. диал. **багряный** и другие.

Уточненные и абстрагированные семы включались в не менее сложный процесс актуализации: одни семы, развитые словом, до сих пор доминантны (сема «*белый*» у русского ЦО **белый**, сема «*черный*» у английского **black**), а другие — «погашены», рецессивны (сема «*бирюзовый*» у русского **золотой**, семы «*серый*» и «*голубой*» у русского **белый**). Погашенные семы депонированы в говорах русского языка. Учет имплицитного и эксплицитного состояний значения, перевод имплицитных сем в эксплицитные позволят более полно определить семантический объем ЦО, который в современных индоевропейских языках представлен довольно ограниченно.

Итак, в эволюции цветовой семантики четко проявляются следующие этапы: развитие сем «*белый*», «*черный*» на основе сем «*светлый*», «*темный*», появление семы «*цвет вообще, цветной*», дальнейшее увеличение числа хроматических сем в ходе номинации и образование в результате цветовой синкреты, в которой часть сем абстрагировалась, а часть была подвергнута элиминированию.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. — М.: Наука, 1975.
- [2] *Вартанов А.В., Соколов Е.Н.* Роль первой и второй сигнальных систем в соотношении семантического и перцептивного цветовых пространств // Журнал высшей нервной деятельности. — М.: Наука, 1995. — Т. 45. — Вып. 2.
- [3] *Василевич А.П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначений в языках разных систем. — М.: Наука, 1987.
- [4] *Выготский Л.С.* Экспериментальное исследование развития понятия // Собр. соч.: В 6 тт. Т. 2. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1982.
- [5] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. — М.: Рус. яз., 2000. — Т. 1—4.
- [6] *Данилова Н.Н.* Психофизиология: Учебник для вузов. — М.: Аспект-Пресс, 1998.
- [7] *Латанов А.В., Леонова А.Ю., Евтихин Д.В., Соколов Е.Н.* Сравнительная нейробиология цветового зрения человека и животных // Журнал высшей нервной деятельности. — М.: Наука, 1997. — Т. 47. — Вып. 2.
- [8] *Монич Ю.В.* Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 1998. — № 1.
- [9] *Хьюбел Д.* Глаз, мозг, зрение. — М.: Мир, 1990.
- [10] *Хьюбел Д., Визель Т.* Центральные механизмы зрения // Мозг. — М.: Мир, 1984.
- [11] *Шемякин Ф.Н.* К вопросу об историческом развитии названий цвета (на материале немецкого языка) // Вопросы психологии. — М., 1959. — № 4.
- [12] *Шрадер О.* Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индоевропейской древности. — СПб.: Тип. Министерства пут. сообщ., 1886.

**EVOLUTION OF COLOUR DESIGNATION SEMANTICS
ACCORDING TO THE LAW OF EXPANSION
OF SEMANTIC VOLUME OF A WORD**

S.V. Kezina

Popova str., 18 „A“, Penza, Russia, 440025

The article is devoted to judgement of historical development of colour's names according to the law of expansion of semantic volume of a word. A basis of the concept of historical development of colour designation is made up of regulations about subject significance which forms the standard of colours designation, about ability of an eye to distinguish concrete colour and about a degree of complexity of nomination processes. The research is done on a material of Indo-European languages.